

МОДЕЛИ КОММУНИКАТИВНО-СПРАВЕДЛИВОГО ДИСКУРСА

О.В. НОВОСЕЛОВА

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

В статье рассматриваются модели коммуникативно-справедливого дискурса, который занимает особое место в интерактивном пространстве социальной коммуникации по причине его специфических целей и представляет собой сложное структурно - семантическое и коммуникативно - прагматическое образование.

Ключевые слова: *дискурсивная практика, категория коммуникативной справедливости, коммуникативно-справедливые практики, социальное взаимодействие*

MODELS OF COMMUNICATIVE FAIR DISCOURSE

O.V. NOVOSELOVA

The article deals with the communicative fair discourse that has a special place in the interactive space of social communication because of its specific purposes and its complex semantic and pragmatic structure.

Keywords: *discursive practice, category of communicative fairness, communicative fair practices, social interaction*

Коммуникативная справедливость дискурсивных практик (или речевых действий) является одной из наиболее противоречивых и многоаспектных категорий [1; 2; 3], проявляющихся в социальном взаимодействии и оказывающих влияние на процесс установления отношений между собеседниками в ходе реализации ими типовых фреймовых сценариев. В частности, указанная противоречивость проявляется в том, что одна и та же дискурсивная практика может оцениваться как коммуникативно-справедливая одним из собеседников, в то время как другой собеседник будет считать ее коммуникативно-несправедливой. Поэтому для однозначной интерпретации данной коммуникативной категории с позиции функционально-семантического подхода был предложен комплекс факторов, позволяющих установить коммуникативную справедливость или несправедливость отдельных дискурсивных практик и проследить, как влияет эта категория на процесс установления отношений между собеседниками в процессе их социального взаимодействия [4; 5].

Тем не менее, выявление отдельных факторов коммуникативной справедливости дискурсивных практик не предоставляет возможность в полном объеме описать результативность и динамичность процесса интерактивного взаимодействия собеседников [подробнее о процессе интеракции см.: 6; 10]. Становится понятным, если существует возможность установить коммуникативную справедливость / несправедливость каждой отдельной дискурсивной практики, формирующей интерактивное пространство дискурсивного взаимодействия, то тогда возможно установить и коммуникативную справедливость / несправедливость дискурсивного взаимодействия в целом. Другими словами, в социальном взаимодействии фактуальны *коммуникативно-справедливый дискурс* (дискурс коммуникативной справедливости) и *коммуникативно-несправедливый дискурс*

(дискурс коммуникативной несправедливости), которые, безусловно, имеют право на существование.

Однако до настоящего времени не поднимался вопрос о том, какие дискурсивные практики формируют интерактивное пространство данных специфических типов дискурсов. В этой связи можно предположить, что коммуникативно-справедливый дискурс представляет собой последовательность коммуникативно-справедливых практик, а коммуникативно-несправедливый дискурс состоит из последовательности коммуникативно-несправедливых практик. Но тогда возникает ряд вопросов: всегда ли последовательность коммуникативно-справедливых дискурсивных практик способна формировать коммуникативно-справедливый дискурс, а также всегда ли коммуникативно-справедливый дискурс образован последовательностью коммуникативно-справедливых дискурсивных практик? Также важно выяснить, возможно ли вообще определить коммуникативную справедливость дискурсивного взаимодействия в том случае, если она сформирована при помощи последовательности как коммуникативно-справедливых, так и несправедливых дискурсивных практик?

Для ответов на поставленные вопросы представляется целесообразным рассмотреть ряд дискурсивных фрагментов, маркированных только коммуникативно-справедливыми речевыми действиями. Например, в следующем диалогическом отрывке, сформированном последовательностью коммуникативно-справедливых практик, прослеживается процесс успешного установления отношений между собеседниками в типовом фрейме «знакомство» (1):

- *Is Mrs. Dean within?* - *I demanded of the dame. (1KC)*

- *Mistress Dean? Nay!* - *she answered, - she doesn't bide here: shoo's up at th' Heights. (1'KC)*

- *Are you the housekeeper, then?* - *I continued. (2KC)*

- *Eea, aw keep th' hause,* - *she replied. (2'KC)*

- *Well, I'm Mr. Lockwood, the master. Are there any rooms to lodge me in, I wonder? I wish to stay all night. (3KC)*

- *T' maister!* - *she cried in astonishment. - Whet, whoiver knew yah wur coming? Yah sud ha' send word. They's nowt norther dry nor mensful abaht t' place: nowt there isn't! (3'KC)* (Bronte, 2015)

Здесь и далее цифрами отмечены инициативные интерактивные ходы коммуникантов, цифрами с апострофами – ответные интерактивные ходы; буквы «KC» после цифры обозначают коммуникативно-справедливую практику, «КНС» – коммуникативно-несправедливую практику.

В предлагаемом фрагменте (1) собеседники учитывают пресуппозиционные факторы коммуникативной ситуации, правильно выбирают адресатные формы обращения друг к другу, в результате чего между ними устанавливаются доброжелательные отношения, которые способствуют согласованному (эффективному) и коммуникативно-справедливому взаимодействию. Последовательность их обмена коммуникативно-справедливыми репликами может быть отражена в виде следующей прагматограммы [о прагматограмме см.: 8], из которой можно заключить, что в данном фрагменте имеет место коммуникативно-справедливый дискурс (условные обозначения представлены выше):

$(1KC) \rightarrow (1'KC); (2KC) \rightarrow (2'KC); (3KC) \rightarrow (3'KC).$

Иная ситуация наблюдается в дискурсивном фрагменте, который представляет собой «столкновение» иллюкутивных потенциалов двух типовых фреймов: инициатор диалога нацелен на реализацию директивного фрейма «принуждение к действиям», адресат – на реализацию фрейма «угроза» [подробнее об угрозе см.: 13], противодействующего программе инициатора (2):

-You must exchange horses with me: I don't like mine; and if you won't I shall tell your father of the three thrashings you've given me this week, and show him my arm, which is black to the shoulder. - Hindley put out his tongue, and cuffed him over the ears. - You'd better do it at once, - he persisted, escaping to the porch (they were in the stable): you will have to: and if I speak of these blows, you'll get them again with interest. (1KHC)

- Off, dog! - cried Hindley, threatening him with an iron weight used for weighing potatoes and hay. (1'KHC)

- Throw it, - he replied, standing still, - and then I'll tell how you boasted that you would turn me out of doors as soon as he died, and see whether he will not turn you out directly. (2KHC)

Hindley threw it, hitting him on the breast, and down he fell, but staggered up immediately, breathless and white; and, had not I prevented it, he would have gone just so to the master, and got full revenge by letting his condition plead for him, intimating who had caused it.

- Take my colt, Gipsy, then! - said young Earnshaw. - And I pray that he may break your neck: take him, and be damned, you beggarly interloper! and wheedle my father out of all he has: only afterwards show him what you are, imp of Satan.—And take that, I hope he'll kick out your brains! (2'KHC) (Bronte, 2015)

В приведенном диалоге взаимоотношения между собеседниками еще больше усугубились, так как они начали общение с противоположными коммуникативными целями, а в процессе взаимодействия каждый из них не был готов учитывать пресуппозиционные факторы и корректировать свое речевое поведение в соответствии с разворачиваемыми типовыми фреймами. Но несмотря на то, что инициатор достиг своей коммуникативной цели (ему удалось каузировать адресата к совершению определенного действия), результатом их взаимодействия явилось коммуникативное рассогласование [подробнее см.: 6], основанное на использовании собеседниками последовательности коммуникативно - несправедливых речевых действий. Иначе говоря, в данном фрагменте имеем дело с коммуникативно-несправедливым дискурсом, который может быть схематично отражен в следующей прагматограмматической записи:

$(1KHC) \rightarrow (1'KHC); (2KHC) \rightarrow (2'KHC).$

Так, в каждом из рассмотренных выше диалогических фрагментов содержатся только коммуникативно-справедливые или только коммуникативно-несправедливые дискурсивные практики (см. соответственно фрагменты 1 и 2). Прагматические записи этих фрагментов подтверждают предположение о том, что коммуникативно-справедливый дискурс представляет собой последовательность коммуникативно-справедливых практик, в то время как коммуникативно-несправедливым дискурсом является последовательность коммуника-

тивно-несправедливых практик. Схематично эта точка зрения может быть отражена в виде двух следующих прагматических моделей или прагматограмм:

коммуникативно-справедливый дискурс –

$(1KC) \rightarrow (1'KC); (2KC) \rightarrow (2'KC);$

коммуникативно-несправедливый дискурс –

$(1KHC) \rightarrow (1'KHC); (2KHC) \rightarrow (2'KHC).$

Однако, процесс взаимоотношений между собеседниками многопланен и связан с реализацией различного рода коммуникативных целей, поэтому в условиях социального взаимодействия возможны такие ситуации дискурсивного взаимодействия, которые представляют собой последовательность как коммуникативно-справедливых, так и коммуникативно-несправедливых практик. Например (3):

- *My father! - he cried, in strange perplexity. - Mamma never told me I had a father. Where does he live? I'd rather stay with uncle. (1KC)*

- *He lives a little distance from the Grange, - I replied; - just beyond those hills: not so far, but you may walk over here when you get hearty. And you should be glad to go home, and to see him. You must try to love him, as you did your mother, and then he will love you. (1'KC)*

- *But why have I not heard of him before? - asked Linton. - Why didn't mamma and he live together, as other people do? (2KC)*

- *He had business to keep him in the north, - I answered, - and your mother's health required her to reside in the south. (2'KHC)*

- *And why didn't mamma speak to me about him? - persevered the child. - She often talked of uncle, and I learnt to love him long ago. How am I to love papa? I don't know him. (3KC)*

- *Oh, all children love their parents, - I said. - Your mother, perhaps, thought you would want to be with him if she mentioned him often to you. Let us make haste. An early ride on such a beautiful morning is much preferable to an hour's more sleep. (3'KHC) (Bronte, 2015)*

Прагматограмма данного фрагмента может быть представлена в следующем виде, который не соответствует предложенным выше прагматическим моделям коммуникативно-справедливого или несправедливого дискурса:

$(1KC) \rightarrow (1'KC); (2KC) \rightarrow (2'KHC); (3KC) \rightarrow (3'KHC).$

В этом плане важно выяснить, с каким именно типом дискурса имеют дело участники диалога в рассматриваемом примере (3) и на основании какого признака можно определить коммуникативную (дискурсивную) справедливость или несправедливость представленной последовательности речевых действий? При этом важно исходить из того, что любой дискурс может быть отнесен к одному из двух типов классификации дискурсов по признаку коммуникативной справедливости – справедливый или несправедливый, так как социальная практика или дискурс не могут быть коммуникативно-полусправедливыми [см. подробнее: 1].

В рассматриваемом примере (3) процесс установления отношений между собеседниками основан на использовании адресатом коммуникативно-несправедливых ответных практик, содержащих заведомо ложную информа-

цию, с целью каузировать собеседника к совершению определенных действий в его (собеседника) интересах. Другими словами, адресат изменяет содержание своего высказывания с целью установить комфортное положение дел для собеседника и нейтральное для его автора. К тому же подобное использование коммуникативно-несправедливых дискурсивных практик оправдано стремлением лидера [о коммуникативной инициативе говорящего в диалоге см.: 9] не вводить своего собеседника в дискомфортное эмоциональное состояние, а также учетом прагматической пресуппозиции, согласно которой адресат коммуникативно-несправедливых практик (ребенок) в момент диалогического взаимодействия не в состоянии понять и оценить известную адресанту информацию. По этой причине собеседники успешно обмениваются репликами в рамках выбранного фрейма, а их взаимодействие в целом можно оценить как синергичное и коммуникативно-справедливое.

Исходя из рассмотренного примера, представляется возможным полагать, что **коммуникативно-справедливый дискурс** представляет собой систему скоординированных речевых действий (коммуникативных практик), каждое из которых основано на синергичном и согласованном продвижении партнеров по общению к достижению поставленных целей диалогического взаимодействия при учете ими коммуникативной организации объективных факторов действительности. Его основная функция заключается в регулировании отношений между коммуникантами в различных интерактивных ситуациях, основанном на установлении (или поддержании) такого типа отношений и *такого коммуникативного пространства*, при которых коммуниканты смогут синергично продвигаться к намеченному результату, а речевые действия каждого из собеседников будут оцениваться как коммуникативно-справедливые.

В качестве еще одного примера рассмотрим дискурсивный фрагмент, который представляет собой последовательность коммуникативно - справедливых речевых действий, среди которой отмечены инициативные коммуникативно - несправедливые репликовые шаги (4):

Louise announced that the Leverings were going to give a dance on Tuesday, and inquired whether he intended to go. (1 KC)

- You know I don't dance, - he returned dryly. - Why should I go? (1' KC)

- Don't dance. Won't dance, you mean. You're getting too lazy to move. If Robert is willing to dance occasionally I think you might. (2 KHC)

- Robert's got it on me in lightness, - Lester replied, airily. (2 KC)

- And politeness, - retorted Louise. (3 KHC)

- Be that as it may, - said Lester. (3' KC)

- Don't try to stir up a fight, Louise, - observed Robert, sagely. (4 KC) (Dreser, 2015)

Прагматограмма последовательности обмена репликами данного диалогического фрагмента может быть представлена следующим образом:

(1 KC) → (1' KC); (2 KHC) → (2 KC); (3 KHC) → (3' KC); (4 KC).

В рассматриваемом отрывке (4) инициатор настойчиво нацелен каузировать собеседника к совершению определенных действий, используя на начальном этапе диалога инициативное коммуникативно-справедливое действие

(1КС), а затем переходя к ряду коммуникативно-несправедливых реплик со значением упрека (2КНС) и (3КНС). Примечательно, что адресату данных практик удастся преодолеть возникшие между ними тематические разногласия путем закрытия шагов инициатора коммуникативно-справедливыми репликами. В результате адресату удалось нейтрализовать негативное эмоциональное воздействие обращенных к нему практик (2КНС) и (3КНС) и продолжить взаимодействие в русле коммуникативной справедливости [см. подробнее о воздействии дискурсивных практик на эмоциональное состояние собеседников: 12; 13].

Как показывают примеры, в интерактивном пространстве коммуникативно - справедливого взаимодействия отмечены коммуникативно - несправедливые дискурсивные практики, которые не способны привести к рассогласованию и разрыву диалога без реализации поставленных собеседниками целей в выбранном ими типе фрейма. Это объясняется тем, что при настроенности одного из собеседников на согласованное взаимодействие возможно продолжение коммуникативно-справедливого сотрудничества. Другими словами, при обнаружении собеседником (нацеленном на результирующий эффект) в речевом поведении своего партнера коммуникативно - несправедливых практик, он может продолжить согласованное взаимодействие, если решение поставленных целей диалога входит в его стратегическую задачу [см. подробнее о стратегическом ударе: 6; 7; 11].

Так, анализ прагматограммных цепочек приведенных коммуникативно-справедливых диалогических фрагментов позволяет предложить следующие модели коммуникативно-справедливого дискурсивного взаимодействия, которые наглядно демонстрируют, что последовательность коммуникативно - справедливых практик представляет собой только частный случай коммуникативно-справедливого дискурса.

Модель-1 собственно коммуникативно-справедливого взаимодействия представляет собой последовательность коммуникативно-справедливых практик (1КС)→(1'КС), формирующих коммуникативно-справедливое интерактивное пространство диалога, в котором собеседники доверяют намерениям друг друга и реализуют свои коммуникативные намерения с учетом пресуппозиционных факторов протекания типового сценарного фрейма (см. пример (1) выше).

Модель-2 контактоустанавливающего коммуникативно - справедливого взаимодействия образована последовательностью коммуникативно - справедливых инициативных и коммуникативно-несправедливых ответных речевых действий (1КС)→(1'КНС). Коммуникативная справедливость данной модели основана на том, что сценарная роль инициатора взаимодействия позволяет ему создавать такое коммуникативное пространство, которое будет способствовать синергичному направлению развития актуализуемого сценарного фрейма (см. пример (3) выше).

Модель-3 контактоподдерживающего коммуникативно – справедливого взаимодействия формируется последовательностью коммуникативно-несправедливых инициативных и коммуникативно-справедливых ответных речевых действий (1КНС)→(1'КС). Коммуникативная справедливость данной

модели обеспечивается тем, что адресату принадлежит инициатива ведения диалога, и своими коммуникативно-справедливыми речевыми действиями он в состоянии в рамках актуализуемого типового фрейма нейтрализовать коммуникативную несправедливость обращенных к нему шагов адресанта (см. пример (4) выше).

Итак, обладая своей функциональной спецификой, коммуникативно-справедливый дискурс занимает особое место в интерактивном пространстве социальной коммуникации по причине его специфических целей и представляет собой сложное, многостороннее структурно-семантическое и коммуникативно-прагматическое образование, требующее комплексного лингвистического описания. В условиях социального взаимодействия коммуникативная справедливость дискурса не может быть определена только по формальным, семантическим и прагматическим характеристикам формирующих его отдельных дискурсивных практик. Это объясняется тем, что воздействующий потенциал данного типа дискурса может быть маркирован репликами различной тематической и иллокутивной направленности, речевыми образцами, являющимися причиной возникновения как комфортного, так и дискомфортного состояний адресата, а содержательные рамки его интерактивного пространства не ограничены тематикой какой-либо одной сферы ее применения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новоселова О.В. Категория коммуникативной справедливости как прагматический феномен // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – № 1. – С. 34-47.
2. Новоселова О.В. Коммуникативная справедливость как прагматический конструкт // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015а. – № 2. – С. 59-74.
3. Новоселова О.В. Функциональные характеристики дискурса коммуникативной справедливости // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015б. – № 3. – С. 88-100.
4. Новоселова О.В. Пресуппозиционные факторы коммуникативной несправедливости // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015в. – № 4. – С. 34-43.
5. Новоселова О.В. Языковая репрезентация коммуникативно справедливого дискурса // Языковой дискурс в социальной практике. – Тверь: Твер.гос. у-нт, 2015г. – С. 200 – 209.
6. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183 с.
7. Романов А.А. Стратегический принцип распределения регулятивных ролей в типовом диалоге // Текст в речевой деятельности. – М., 1988а. – С. 106-118.
8. Романов А.А. Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Текст в коммуникации. – М.-Тверь, 1991. – С.82-100.
9. Романов А.А. Коммуникативная инициатива говорящего в диалоге // Текст как структура. – М., 1992. – С. 55-76.
10. Романов А.А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. – Москва: Институт языкознания РАН, 2005. – 153 с.
11. Романов А.А. Регулятив как комплексная единица диалогического общения // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – № 1, 2008. – С. 71 – 75. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.

12. Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: Лингвopsиxологический анализ. – М.: ИЯ РАН, 2006. – 144 с.
13. Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции. – Москва-Тверь: ИЯ РАН, Тверская ГСХА, 2013. – 168 с.

Источники примеров

1. Bronte E. Wuthering Heights [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2015. – Режим доступа: <http://www.gradesaver.com>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.09.15.
2. Dreiser T. Jennie Gerhardt [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2015. – Режим доступа: <http://www.ebooks.adelaide.edu.au>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.10.15.